

Литература и искусство

Литературовед Леонид Ханбеков рассказывает о встречах с писателем Федором Абрамовым

ЖИЗНЬ ПИСАТЕЛЯ — В КНИГАХ

ЧИТАЮ, откладывая, вдумываюсь, впитывая сердцем, и вновь перечитываю его письма. Вспоминаю наши последние встречи, беседы. Вглядываюсь в размашистые и в то же время уважительные, бережные пометки на рукописи книги о нем...

«В литературе главное — правда...» И раз, и другой встретится в его коротких, энергичных письмах эта простая, мудрая фраза. В ней — и кредо, и девиз, и смысл его жизни.

Больше всего на свете он ненавидел всякую искусственность в поведении ли, в разговоре, в отношениях между людьми. Ну, а незнание жизни или лакировка ее в литературе его просто бесили. Литераторы старшего поколения хорошо знают: он вошел в литературу три десятилетия назад как суровый, не признающий никаких компромиссов критик. Сколько произведений о послевоенной деревне разных прозаиков он горько упрекнул тогда в приукрашивании жизни, сколько критиков уличил в их поверхностности суждений, в привычке выдавать желаемое за действительное, в незнании деревни, ее многотрудных работ...

Тридцать лет, а видно, болезнь лакировки заразительна и трудно лечима, если и на последнем, VII съезде писателей он повторил свою главную мысль: «Казалось бы, ясно, как божий день: подвиг человека, подвиг народа измеряется масштабом содеянного, мерой жертв и страданий, которые он приносит на алтарь победы. А у нас то и дело слышишь голос перепуганного перестраховщика: это существо красок, это очернительство, это снижение героического облика народа... Да чернят и унижают народ перестраховщики, лжедрузья, те, которые всякого рода ватными прокладками и обертками крутых спусков и поворотов истории обесценивают и умаляют народный подвиг!»

В перерыве я подошел к нему, естественно, мы заговорили и о его выступлении. Он устало улыбнулся:

— Если бы выступлениями можно было повернуть всех лицом к правде!

...Познакомил нас его земляк, тогда молодой архангельский прозаик Юрий Галкин, в один из хмурых зимних вечеров 1972 года. Разговор получился живой и острый. Мы с Галкиным, расшевелив Федора Александровича вопросами о

его трудном вступлении в литературу, о тех, кто поддерживал, старались больше помалкивать и слушать.

Я ничего тогда не записывал — не та была обстановка, чтобы открывать блокнот, — и многое безвозвратно забылось. Но острое ощущение, что Абрамову не хватало, как воздуха, как дыхания, двух больших русских художников, с которыми свела его в те годы судьба, — Александра Твардовского и Александра Яшина, — это ощущение я помню отчетливо, как если бы мы беседовали об этом только вчера. Помню, он все возвращался и возвращался к мысли, насколько глубоко тревожило Твардовского состояние наших дел на селе. Писательское невниманье к жизни села он сравнивал с отсидкой от фронта в глубоком тылу.

Мы говорили о безыскусной правде яшинской «Вологодской свадьбы», и врезалось в память, как Федор Александрович, на миг забывая о нас, повторял последние слова Яшина: «Пишут, пишут. А все сводится к четырем словам: Жизнь. Смерть. Правда. Ложь».

...Вспоминаю это и мучаюсь: имею ли право писать о нем сейчас, в эти дни, когда еще

не отболело, — десять лет я занимался изучением его творчества, много раз встречался с ним, несколько долгих бесед, десятков писем, подаренные писателем книги... Но помогает мне опять же он. Его неистребимый интерес к человеку, оказавшемуся в поле зрения. Так и вижу его ободряющий взгляд: что ты за человек, какой круг твоих пристрастий, что тебя радует, что заботит? Правда, и к тем, к кому относился дружески, Абрамов был суров и требователен, прямодушен и неподкупно честен. Мог простить и ошибку, и слабость. Не прощал лишь нравственной всеядности и идейной размытости. Вот строки из полученного мною письма: «Двухтомник Гослитовский высылаю. А вот с «Севером» — конфуз: у самого нет запасного экземпляра. Теперь самое трудное — рукопись. Боюсь я чтений о собственной персоне, но если вы не из трусливых — присылайте!» И в другом письме, будто поощряя меня, после ряда критических пожеланий: «Я верю — у Вас по этой части все будет хорошо». Как важна такая поддержка для литературоведа, думаю, не надо пояснять!

...Как-то в разговоре я вспомнил критика К-ву, опублико-

вавшую в одном из ленинградских журналов большую статью о его романах.

— Никогда при мне не произносите это имя, — сказал он, и брови сошлись на переносье. Извиняя мое неведение, он безразлично пояснил:

— Эта литературная моль упорхнула в Америку...

...После публикации открытого письма Федора Абрамова землякам «Чем живем-кормимся» в адрес писателя полетели упреки. Полно, дескать, да уж так ли любит своих героев Федор Абрамов, если способен бросить им в лицо такой упрек? Это ж надо, сказать, что его земляки разучились крестьянствовать, ждут, как у Некрасова: «Вот приедет барин...».

А мне припомнился ответ самого Абрамова:

«Писать для народа — значит помочь ему понять свои силы и слабости. Важная задача искусства — просвещение. Высшая цель его — правда и человечность, так сказать, извлечение добра на Земле. И красота».

Фактически об этом же он говорил и в своем выступлении на Центральном телевидении в Останкине. Его слова слушала вся страна. Выше всяких похвал, крепче всякой брони от критических стрел было для него в те дни посещение группой веркольских старух. Когда он рассказывал мне об этом визите, об обсуждении его письма на сельском сходе, в

райкоме партии, чувствовалось: лишь усилием воли сдерживает слезы на глазах. Пряча за скороговоркой, за иронией крутое, неподдельное волнение, закончил смущенно:

— Эти старухи, брат ты мой, — живая история и совесть моей малой родины Веркольи. Среди них — и Анфисы Минины, и Варвары Иняхины, и Милентьевны, и Катерины... Попробуй я теперь обмануть их доверие!

И он ни в чем не обманул ожиданий своих земляков. Будучи уже отмеченным Государственной премией СССР за трилогию «Пряслины», он выдал «на-гора» публицистически острый роман «Дом», завершающий эпопею, а за ним — еще целый ряд пронзительно правдивых произведений. Среди них — очерк «Пашня живая и мертвая», рассказ «Бабилей», повесть «Мамониха», книга философских и лирических миниатюр, замет памяти «Трава-мурав»... Он собирал материалы для большого исторического полотна о северной земле, земле отцов. Даже экзспедицию по Пинеге совершил...

Смерть прервала напряженную, захватывающую работу. Она остановила жизнь человека. Но она бессильна остановить жизнь писателя — Федора Абрамова. С нами его герои.

И вновь вспоминаю его девиз, как завещание всем нам: «В литературе главное — правда...».